

Сынок-куличок

Поставили свои чум возле самой воды птички кулики и живут: отец, мать да их сынок-куличок.

Летом в тундре так-то хорошо, так-то славно! Мать с отцом не нарадуются: быстро растёт их сынок-куличок. И то сказать — всем пригож куличок. Одно только — упрям очень.

Вот как-то раз летал сынок-куличок по тундре. Взлетел на вершинку тонкой берёзки, по сторонам поглядывает. Посмотрел вниз, а там девушка-мышка у своего земляного чума разгуливает. Одежка у неё красивым узором вышита, в косах у неё медные украшения позвякивают, голову назад оттягивают. Загляделся куличок на мышку, глаз отвести не может.

А когда вернулся домой сынок-куличок, вошёл в свой чум, сел, крылышки сложил, голову опустил — горюет.

Спрашивает его мать:

— Что с тобой? Уж не заболел ли ты?

Отвечает сынок-куличок:

— Видел я девушку-мышку. Хочу жениться на ней.

Удивилась мать, встревожилась:

— Что такое ты говоришь? Ведь мы, кулики, на зиму в тёплые края улетаем. А мыши здесь остаются.

В земляном чуме всю зиму живут, света не видят.

— И я на зиму в тундре останусь, — заупрямился сынок-куличок.

— Что ты, что ты, — испугалась мать, — зимой в тундре лютые морозы трещат. Выйдешь из чума, у тебя хвост к сугробу примёрзнет: ведь у мышей дверь их чума вся в снегу бывает. Нет, нельзя куликам в тундре зимовать.

Но сынок-куличок и слушать ничего не желает, своё твердит: — Останусь да останусь,-говорит.

Вечером вернулся с охоты отец. Мать всё ему рассказала.

Думали-думали отец и мать, как образумить своего сына, отговаривали, отговаривали — да разве переговоришь упрямца? Видят — придётся им своего сына на мышке женить.

— Ладно, — вздохнула мать, — пойду сватать.

И отправилась к земляному чуму под тонкой берёзкой, где мыши жили. Старуха мышка увидела нежданную гостью, удивилась и спрашивает:

— Или случилось у тебя что?

А мать куличка так сказала: — У тебя дочка-красавица. А у меня сынок. Вот я и пришла.

— Дочка-то у меня есть, — отвечает старуха мышка, — но ведь лето скоро пройдёт, и вы, кулики, в тёплые страны отправитесь. А дочка моя летать не умеет, по земле ходит. Как же доберётся она с твоим сыном за широкие моря, в дальние тёплые страны?

Мать куличка спросила:

— А если сынок мой останется у вас на год?

— Ну что ж,-согласилась старуха мышка, — если так, то я выдам свою дочь замуж за твоего сына.

Полетела мать куличка к своему чуму, отец-кулик спрашивает:

— О чём говорили? Что решили?

А она отвечает:

— Согласилась старуха мышка отдать свою дочь за нашего сына, если мы оставим его здесь на зиму.

Понурился от этих слов отец-кулик, да делать нечего.

— Что ж, — говорит, — пусть так и будет.

Прошёл день-другой и ещё немного — большую свадьбу устроили. Гостей со всей тундры назвали! Всякие-всякие зверушки прибежали. Разные-разные птицы прилетели. Весёлая свадьба получилась.

Только отец и мать куличка сидели печальные. Потому что небо уже осенним стало, пора в путь собираться, с любимым сыночком прощаться. Как тут не загрустить?

Отец сказал куличку:

— Милый сынок мой, остаёшься ты здесь на зиму, себя береги, из чума не выходи. А весной, чуть только появятся проталины, жди нас.

И поднялись ввысь отец и мать куличка. Вместе с другими птицами улетели.

А сынок-куличок в земляном чуме у мышей поселился.

Зима в тундре долгая. Солнце на небе и не показывается. Лишь иногда северное сияние разноцветными огнями запылывает, но тут же ледяной ветер завоет, злая пурга завьюжит, разбушует.

Живёт куличок в мышинном чуме месяц. Живёт другой. Темно. Дымно. Ни вздохнуть, ни взлететь.

Он и говорит мышке:

— Открой дверь, дым выпусти. Да и я на белый свет хочу посмотреть.

Она отвечает:

— Там холодно. И солнца нет. Потерпи немного.

Куличок снова:

— Открой. Пройдусь я. Полетаю.

Мышка уговаривает:

— Потерпи. Не ходи. Отец и мать, когда улетали, просили тебя из чума не выходить, а то хвост к снегу примёрзнет.

Но куличку говори не говори, всё без толку. Заладил одно — открой да открой.

Открыла мышка дверь. Вылез куличок наружу и взлететь не успел — хвост у него к снегу примёрз! Тут как раз лисица мимо бежала — цап куличка! — и нет куличка. Одно перышко от хвоста осталось.

Долго ли, коротко, а кончилась, наконец, зима. Посветлело. Потеплело.

Появились первые проталины. Вышли из чума мыши на солнышке погреться, глянули на небо, а с южной стороны что-то тёмное по небу летит, солнечный

свет застилает. «Уж не туча ли грозовая?» — думают.

Да нет, то не туча грозовая надвигается, то птицы из чужих тёплых краёв летят, на свою родную сторонку спешат. От их звонких голосов тундра просыпается, весне радуется.

Вдруг две птички на землю опустились, по кочкам к мышиному чуму бегут, торопятся.

Подбежали и спрашивают:

— Что же сынок-куличок не вышел нас встретить? Где он?

А мыши отвечают:

— Не послушался он нас, запрямился, вышел из чума — хвост у него к снегу примёрз. Только одно перышко от него и осталось.

Перестали с тех пор птицы с мышами дружбу водить. И того хуже — иной раз сова высмотрит мышью и далеко-далеко унесёт её в своих крепких когтях. Так-то вот.